

Геннадий АБРАМОВИЧ

Голос держится на двух тоненьких хрупких связках.

Тем важнее их регулярно промывать; хотя в целом жизнь певца — сплошной режим и самоограничение.

я, к своему удивлению, прошла на второй и на третий тур. Третий был открытый, со зрителями. На него пришел мой будущий муж, который всегда был любителем оперной музыки. Позже, когда я с ним познакомилась, увидела, какая у него собрана фонотека — гораздо богаче, чем моя. Во время прослушивания он положил на меня глаз, набрался наглости, пришел к моему профессору Керимову (а он был очень грозным человеком, которого все боялись) и сказал: «Я из Москвы, привез очень редкие ноты для госпожи Зеленской. Мне нужно передать их в ее собственные руки». Профессор дал ему номер моего телефона, и так мы познакомились. Почти четыре года встречались. После свадьбы я взяла в руки его паспорт и в ужасе спросила: «Так ты на два года моложе меня?!!» — «Так что же? Пойдем разводиться?..» Но мы не развелись: в сентябре нашему браку 17 лет.

— Приходилось ли вам сталкиваться с шокирующими режиссерскими решениями?

— Много раз. Роль леди Макбет: в одном из вариантов я играла сцену сумасшествия на перевернутом рояле. Представьте себе рояль без двух передних ножек, стоящий под наклоном с открытой клавиатурой. На мне — платье с огромным шлейфом. На ногах — обувь типа чешек, с резиновой нескользящей основой. На сцене — хаос, имитирующий пожар. Я с лампой, безумная,

выхожу и, не глядя под ноги — ведь безумные не смотрят, куда они идут, — поднимаюсь по этому роялю, дохожу до края... По мизансцене врач, стоящий рядом, должен внезапно вздохнуть. Я на этом вздохе резко поворачиваюсь и, спускаясь, пою одну из сложнейших арий... А «Тоску» я пела в Датской королевской опере. Во время второй арии на мне было много украшений. По ходу арии я снимала их. Сначала кольцо, потом серьги, кулон — который, кстати говоря, вечно застревал и не расстегивался. И на кульминационной ноте я скидывала платье, оставаясь в полупрозрачном белье с корсетом ручной работы, и падала на пол.

— А эротических сцен не было?

— Самое большее, до чего доходило, — до потолка. В «Макбете» в Израиле — речитатив перед арией, я там такая злая, на мне пеньюар фиолетового цвета... Макбет валяется на кровати в конце сцены, я плюхаюсь к нему на кровать, сажусь на него верхом. Он спрыгивает, и я пою лежа, не видя дирижера. Някрошюс тоже сказал, что должен быть «кусочек секса». В конце нашего дуэта с Макбетом расстегивается пальто, я должна сесть и, максимально раздвинув ноги, как бы пригласить Макбета к себе. И ведьмы нас после этого утачивают за кулисы...

— Какой язык вы используете в работе на Западе?

«Самое яркое впечатление — маэстро Шолти. За полгода до его смерти мы исполняли Реквием Верди в Альберт-холле. Он работал детально. И он первый сказал, что у меня настоящий вердиевский голос. Для меня это было чрезвычайно лестно».